* * *

М.М.

Над городом славным тем временем бурным
Вполнеба стояли пожаром закаты,
И полнились улицы маршем бравурным,
И ангелы были, как птицы, крылаты.

Мундиры, мундиры текли по бульвару,
Мы вышли, мы машем с балконов платками,
Алина, Адель, Анжелика, Леннара —
И плыло над городом ровное пламя.

Чуть мутным казалось зеркальное небо,
Сгорая, кружились лиловые тени,
И горькое чувство, горячая небыль,
Родившись, томилось в объятьях сирени.

Закат дотлевал в небесах. Вдруг темнело,
Луна балериной взлетала на сцену,
А мы вышивали, лиловым и белым,
А вечность, как выстрел, промчалась мгновенно.

И там, средь незримых пустот мирозданья,
Где призрачный свет застывает в эфире,
Немеет душа и томится сознанье
Мечтой о забытом, неведомом мире.

1994,96

* * *

К.Н.

Нам не будет помехи в опасных попытках снаружи
Заглянуть в освещенное чрево вокзала, и в нем
Обнаружить: собранье железнодорожников дружных;
В странной форме — кассир или старший по званью?
— Харон.

И как будто дорога, петляя, пенькою свернулась,
Медяка на проезд не достанет уже никому:
Зал усыпан монетами... где-то старушка нагнулась,
Или селезень вскрикнул, и лодка несется к нему...

Но снаружи светлей, за стеклом семенит отраженье —
Ну и пусть, не захочешь, когда-то окажешься там!
Проходи, проходи, зеркала обращают движенье,
Оборвешь провода — и огонь побежит по пятам,

И покатятся в гору покорные версты и мили
(Современники жадные, от нетерпенья дрожа,
Целый мир написали на шаре, но их позабыли,
Как забудут и нас, не успеешь плечами пожать).

Нам не будет помехи... но это ли песня гобоя —
Раскрываются окна, у входа толпятся, и вот
Проводница в дверях! Ничего не случится с тобою:
Это тронулся поезд... В вагонах встречают восход.

1993,96.

* * *

Спешим, спешим на праздник. Впереди,
В связи с обрывом, кончилась дорога.
Обвал с боков. Спокойно, ради бога,
Приятель, осторожнее лети.

Нам разум дал стальные руки-крылья,
И расставаться с ними нелегко;
Любезный друг, последнее усилье,
Мы победим, мы канем глубоко.

Хозяин наш был краше Михаила,
Тем тяжелей паденье принял он:
Все так, над волей торжествует сила,
Таков Господь, таков его закон.

Подходит срок, и нет надежды с нами,
Хоть будем биться из последних сил...
Дракон летит. Эй, расчехлите знамя:
Уж мертвые восстали из могил.

Опустятся тяжелые засовы,
Блеснут гордыней очи Мириам:
В начале мира было только слово,
И сторицей оно вернется к нам.

1994

Время.

Тринадцать было моих сыновей.
Но время шло неспроста —
Двенадцать лучших его коней,
И все боятся хлыста.

Мой старший сын утонул в реке,
Охотясь за глубиной.
На третий день он всплыл налегке,
Хотел проститься со мной.

И я узнала его оскал —
Улыбку смеха и слез.
Его качало, он засыпал,
И ветер его унес.

За днями дни летели навзрыд
(Не смей оставить следа!),
Стирая набивки с могильных плит,
Но — не избегнув хлыста.

Второй мой мальчик решил любить,
Ушел, рукав теребя,
Узнав ответ, не решился жить,
Решил погубить себя.

И так он умер в пятнадцать лет
Со спицей в горле. Она
Оставила очень маленький след.
Но я была не одна,

Со мной одиннадцать сыновей,
Так — год за годом — подряд.
Но время гонит своих коней,
И кони очень спешат.

Бегут недели, забыв о днях,
Делить себя им нельзя.
Удар заботится о конях,
Веселой змейкой скользя.

Сгорел мой дом, и сейчас дотла
Младенец, и трое с ним.
И только кости я унесла —
В друзья моим семерым.

А что мне семеро? Стану ждать,
Когда придет их черед?
Небось, коней нелегко догнать,
Не вспfive повернется год.

Острей клинка, тяжелей воды
Мой жгучий яростный крик,
Тревожный вестник ночной беды,
Безумный панегерик.

И как вам знать, отчего поют,
Неясные в темноте,
Сбивая свечи, гоня уют,
Голодные птицы те,

Которым радость — вино из вен,
Которых когти крепки?
Дышите воздухом перемен
И расширяйте зрачки.

А мы, малютка, не станем ждать,
Когда погаснет звезда:
Ведь резвой птицы кривая стать
В секунды сбросит года —

Так, до конца осторожных дней
Вселенной остался час...
Оставь, дитя, не грусти о ней:
Ей мало дела до нас.

И навещая меня, прошу,
О розах не забывай:
Я в том Жюль Верна их положу
И засушу там. Прощай.

1989,93

* * *

Ночь темна, и шевелится время едва.
Неразумных людей повторяя слова,
Расскажи мне о Городе Мира.
Звон стакана о блюдце, расколот гранит...
Издалека невидимый свет к нам спешит,
Чуть заметно дрожанье эфира.

Тридцать тысяч веков продолжается сон.
Странным вирусом малых планет поражен,
Так расшатан остов мирозданья.
Отстоявшись в озерах, спадает вода,
Голубая, как кровь наших жил, господа,
И уходит — вы знаете сами, куда,
На слова не хватает дыханья.

Мимо башен... часов оглушительный вой —
Посмотри: мы обмануты этой травой,
Или взяли рецепт у пройдохи?
Вот, окликнем двоих, что идут сквозь туман
К нам навстречу... но старший чудовищно пьян,
Мальчик, тесно прижавшись, нащупал карман:
На любовь там последние крохи.

То трущоба, то многоэтажный на вид,
То ли дом, то ли каменный город стоит,
Здесь раскрытая дверь нам добра не сулит:
Все замки переломаны ветром.
В опустевших глазах — человеческий взгляд
Проигравшего в кости, и стулья скрипят,
Из щелей прежде времени слышится смрад
И подходят с ножом незаметно.

Гаснут свечи, в ушах подозрительный звон,
Но поднимемся выше, и нам уж смешон
Жадный визг перепончатокрылых —
Там, в мансардах, горит электрический свет,
И гудят потолки, и спасения нет:
На невинный вопрос ты получишь ответ
Умолчанья, космической силы.

Сто скелетов, смеясь, собрались у стола,
Но доносится крик из другого угла:
Это люди. Гуляет по кругу игла,
Плесень множится, рушатся крыши.
Это время попало в немыслимый плен...
Чем здесь занят безумный? — он ждет перемен!
Странный вирус и нас поднимает с колен,
Кости в руки, и ставки все выше.

Прокаженные пляшут, и плачут навзрыд
Неподвижные статуи с каменных плит,
И жестокое эхо о камни стучит,
Разрушая кирпичную кладку.
С ним зараза сквозь щели проникнет в дома,
Круг часов обитателей сводит с ума,
И, спускаясь, Сестра из Дамаска сама
У порога решает загадку.

... За столом, наливая друг другу вина,
Не обмолвимся словом: на что нам дана
Ядовитая пригубь прогорклого дна,
На ладонях шершавая пена?
Что ж, пускай от стыда не поднять головы,
Но прощаемся, но переходим на "вы"
И навстречу недавнему солнцу, увы,
Спотыкаясь, шагаем степенно.

Мифы о Дюлюнгах

Барель безногий дует в трубу.
В небе высоком чайка кричит.
Грида подводный плывет в гробу.
Гордая Лха веслом стучит.

Тунга-рыбак собирает снасть,
Гайро-охотник, бросай стрельбу:
Хочет твою добычу украсть
Барель, он лег и дует в трубу.

Помнишь, Барель, как кличет Рог?
Помнишь, как хлещет Большая Сеть?
Помнишь, как ты лишился ног?
Гарлия хочет об этом спеть.

Умара Отец дюлюнгов собрал,
Имя его, как острый гарпун.
Очи его — красный коралл,
Гневный среди теплых лагун.

"Был мне Барель доблестный брат:
Имя одно, и честь одна.
Стал мне Барель яростный враг,
Сердце его колет луна."

Двигает мир дюлюнгов Барель,
Ходит, вода его несет.
Сами дюлюнги пойдут теперь,
Смерть из-за Вурла Бареля ждет.

Смело дюлюнги идут на бой,
Прячет Барель в животе лицо.
Голос Отца — победный вой,
Он подарил им свое кольцо.

Кинул Барель в Умара смерть.
Умар поднимает кольцо, как щит.
Сестры его развернули сеть,
Гнется Барель, костью трещит.

Братья Умара! У вас топор,
Бейте врага, не жалея слов!
Бьется в сети трусливый вор,
Отец Умара в гневе суров.

"Был мне Барель доблестный брат.
Имя одно, и честь одна.
Что он украл, он вернет стократ,
Горше сутриса его вина."

Плачет Орифия, бьет крылом,
Круглый Барель летит без ног.
Братья и Сестры сошлись кольцом,
Отец Умара — великий бог.

Тело не стронет с места Барель.
Двигает воздух, в трубу дудит.
Небом Отец правит теперь.
Кольцо Умара — каменный щит.

Март 97

***

Мы шли не спеша по Гольштандии вольной
И белые листья слетали лавиной,
Над белой обрушеной ввысь колокольней
Стояли прекрасные гвельфобиллины.

Мы плыли в слезах по Гольштандии белой:
Большие аллей, озера Квиррита,
И белые ночи прекрасной Памелой
Вставали вдали, тяжелее гранита.

Мы мчались, хвостатые звезды Гамеда,
И следом, едва разбирая дороги,
Крича в упоеньи, сбиваясь со следа,
Орлами взвивались пернатые боги,

Орифии гордой кровавые внуки,
Горячие отпрыски злого Бореля,
Адепты ночной плотоядной науки
На наших могилах плясали и пели.

Мы шли не спеша по Гольштандии вольной,
Мы плыли в слезах по Гольштандии белой —
А небо, спускаясь под звон колокольный,
Огнем на скалистые Альмы взлетело.

Oct. 1996

* * *

А. Н.

Мы идем, а кирпич не крошится,
А луна глядит недовольная,
Пешеходам ночным непрошеным
Освещать мосты подневольная.

Не тревожь себя, не старайся зря,
Ведь холодной дрожью дрожит земля,
Урони лицо да на дно очей,
Это только путь — нежилой, ничей.

Это дом чужой, на пороге гость,
Это день дурной, деньги вынь да брось,
Нам не нужно здесь, мы зашли на час,
Прокричит петух, и отпустят нас.

Ледяным ознобом звенят зрачки,
Это только тень от твоей руки,
Я не знаю слов — расскажи сама,
Как обман, ложится на сердце тьма.

Пленной пешкой из пальцев выскользнешь,
Побежишь, на других похожая,
Встанешь девушкой, выйдешь призраком,
Забоятся тебя прохожие.

Что ж, кричи, надрывая сердце мне,
Как большая кукушка пестрая,
Как чужая подруга верная
В богадельне с пьяными сестрами.

Говорят, что руками слабыми
Не удержишь судьбы отчаянной.
На камнях я питаюсь крабами,
И давно уж лодка отчалила.

Февраль 1997

YULYA FRIDMAN

Это было в годы правления императора Ци. Земли от восхода до заката постиг недород, и люди перестали хоронить своих близких. Проходя мимо деревни, путник слышал стоны голодных и не мог решить, чьи это жалобы — живых или же призраков, которые питаются страхом. И если он был еще в силах идти, то ускорял шаг.

Богатые платили за рис золотом и драгоценностями. Они запирались в домах и пировали, считая зерна и не жалея огня — а потом продавали дома и переходили жить в хижины. Но Ван Лу был беден, и ему негде было достать зерна.

Жена Ван Лу умирала от странной болезни: она не страдала от голода, но часто просила воды. Ван Лу спускался к реке и приносил ей воду в ладонях, так как домашней утвари у них уже не осталось. Однажды, заглядевшись на отражение луны, он потерял равновесие и упал в реку. Дно в этом месте было глубже человеческого роста, и Ван Лу стал тонуть.

Очнувшись, он увидел, что стоит на узком мосту (местность вокруг была ему незнакома), и что река широко разлилась под ногами. Он увидел закатное небо и должен был заключить, что почти сутки провел без сознания. Красные огни занимали половину горизонта и казались не столь уж далекими. Ван Лу пошел по мосту к ближайшему берегу. Он думал о тех временах, когда его жена была здорова и всем хватало еды, и не замечал, что мост дрожит и сильно качается. Вдруг его окликнули. Ван Лу обернулся и увидел, что сбоку от моста, безо всякой опоры, шагает человек в белой одежде. Приглядевшись, он понял, что это его сосед, умерший в прошлое новолунье. Ван Лу испугался было, но затем рассудил: ведь он и сам может быть призраком — иначе как бы он выбрался из воды, и к тому же оказался здесь, на неизвестном мосту? Он снова обернулся, чтобы спросить об этом своего спутника, но тот тем временем исчез. Ван Лу услышал громкие удары своего сердца, ощутил усталость и страх и по этим признакам понял, что его душа еще не покинула тела.

Между тем берег как будто бы не приближался. Красное небо становилось все ярче, так что вода уже походила на кровь, и на ее поверхности плавали странные пузыри. Ван Лу с удивлением обнаружил, что в некоторых из них, как в стекле, заключены маленькие человечки; это были чужие, незнакомые души. Время от времени до его слуха доносились тончайшие голоса, но он не мог разобрать слов и не знал, к нему ли обращаются призраки или беседуют между собой. Воздух нагревался и вбирал в себя влагу; Ван Лу понемногу начинал задыхаться. Мост скрипел и качался, а внизу кипела вода.

Со всех сторон раздавались звуки, похожие на хлопки. Стоя на месте и не решаясь идти дальше — ведь колебания моста усиливались с каждым шагом — Ван Лу догадался, что души, ранее заключенные в пузырях, теперь выбрались на свободу. В самом деле, к небу уже поднимались темные воздушные фигуры, а одна из них, оторвавшись от реки, задержалась на полпути и обернулась к Ван Лу. Ван Лу показалось, что он узнал в ней черты своей жены. Он огорчился, так как это должно было означать, что среди живых ее больше нет. Тем временем закатные огни погасли, и воздух стал прохладнее. Ван Лу посмотрел вперед и увидел, что до берега осталось совсем немного.

Пройдя оставшийся путь без каких-либо затруднений, Ван Лу оказался на берегу. Чуть в отдалении от воды стояла белая хижина. Обернувшись, Ван Лу различил под темнеющим небом лишь след моста; вскорости мост растворился совсем, и Ван Лу о нем позабыл.

Ван Лу вошел в хижину и низко склонился, приветствуя обитавшего в ней мудреца. Тот знаками показал гостю, что ему разрешается, как обычно, задать три вопроса. Ван Лу поднял голову и увидел, что стены хижины прозрачны, и звезды в небе светят необычайно ярко. Он сказал:

"Учитель, я хотел бы узнать, жива ли моя жена и где я должен ее искать." Этим Ван Лу разгневал хозяина, ведь ответ был открыт ему на мосту. Мудрец сказал Ван Лу, что тот утратил право на оставшиеся вопросы. Он указал Ван Лу выход, который был расположен в другом месте. Ван Лу вышел и без чувств упал у воды.

Очнувшись, Ван Лу увидел, что снова находится недалеко от своей хижины и понял, что настала весна. Он поднялся и вошел в дом. Деревянную скамью, как оказалось, источили черви, а это значило, что прошло много лет. Ван Лу увидел перед собой большой котел, в котором отражалась луна. Однако снаружи был день, да и ночью лунный свет едва мог проникнуть сквозь щели в стене. Подойдя ближе, Ван Лу убедился, что котел полон превосходного риса. Он сразу почувствовал голод и жадно принялся за еду.

Насытившись, Ван Лу крепко уснул. Во сне он видел свою жену. Она была здорова и легко ступала по узкому мосту над водой. Внизу широко разливалась река, и у нее не было берегов.

END

***

В зеленом лесу, в темной избе
Лежат заводные медведи.
Лежат, как живые, покорны судьбе,
Лисицам и птицам соседи.

Там с тросточкой бродит старик заводной
Меж сосен, и тяжко вздыхает.
Охваченный тягостной думой одной,
Он прошлые дни вспоминает.

И бродит меж сосен, и елей, и лип
По тропкам, заросшим травою.
И голос его от скитаний охрип,
Глаза голубые следят за совою.

Избы деревянной серебряный цвет,
Ее слюдяные оконца!
Соленой слезы ослепительный след,
Осколок прошедшего солнца.

Старик, он отвык от горячих лучей,
Глаза голубые мерцают.
Серебряным звездам скупой казначей,
Он им имена называет.

И чем разорвать заколдованный круг,
Развеять печаль ледяную,
Чтоб небо потряс механический звук,
Обрушив стихию стальную?

...Большие снега потекут по Земле,
Ночная сова встрепенется,
Медведи и лисы очнутся в тепле
На дне огневого колодца —

Короткая жизнь, пламенея свечой,
В огромной ночи разлетится...
Рыдает старик, оглушенный мечтой.
Молчат неподвижные птицы.

Октябрь 1996г.
П.Леонтьев (Иванов), Ю.Фридман.
Редакция моя [Фридман.]